

ствами характеристики персонажей отличает прозаич. Д. от драматического. Чаще всего Д. в прозе вводится глаголами, вследствие чего создаётся его дистанцированность и обозримость. В мордов. прозе со 2-й пол. 20 в. заметно выделяется характерологич. роль Д.: в нём широко представлены экспрессивные, социально и индивидуально окраш. элементы (повести «Миртть-рват» — «Супруги» А. П. Тяпаева, 1985; «Сембода лямбе берякти» — «К самому тёплому берегу» Г. И. Пинясова, 1988; «Кирдажт» — «Ровесники» М. И. Брыжинского, 2008; и др.), созданы своеобразные формы комич. Д. — с разорванной логич. связью между репликами, с подчёркнутым использованием стилистически сниж. лексики (ром. «Лавгинов» В. М. Коломасова, 1959). Особую эмоц. и идеологич. нагрузку приобретает Д. в романах К. Г. Абрамова, И. М. Девина, А. М. Доронина, М. Т. Петрова и др. В лирике преобладает монолог, но в отд. случаях мордов. поэты обращаются к форме Д. (стихотворения «Сыре поэт марто кортамо» — «Разговор со старым поэтом» А. Моро, 1970; «Разговор с сыном» С. В. Кинякина, 1990; поэма «...А Волгась шуди» — «...А Волга течёт» И. Н. Кудашкина, 1982; и др.). Д. часто используется в жанре *басни* (М. А. Бебан, И. Е. Шумилкин) для показа эмоц. состояния персонажей и отражения точки зрения автора на поднимаемую в произв. проблему. Он наделяет одного из героев своим мировоззрением, встаёт на его сторону и доказывает несостоятельность противоположных мнений. В этом случае Д. является ярким стилистич. приёмом, средством оживления повествования. Как самостоят. лит.-публиц. жанр Д. в мордов. лит-ре не утвердился.

Лит.: КЛЭ. Т. 2 ; Словарь литературоведческих терминов. М., 1974 ; ЛЭТП ; *Лагутин В. И.* Проблемы анализа художественного диалога : (К прагмалингвистич. теории

драмы). Кишинёв, 1991 ; *Хмырова Э. А.* Функция диалога в контексте формирования концепта произведения // Проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам: традиции и стратегия обновления. Тамбов, 2001 ; *Хисамова Г. Г.* Диалог как компонент художественного текста: на материале художественной прозы В. М. Шукшина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009.

И. И. Шеянова.

ДИЛОГИЯ, в эпоху античности двухактная драма; в лит-ре нового времени худож. произв. (преимущ. эпич., реже драм.), состоящее из двух эстетически самостоят. и композиционно законч. частей (произведений, книг). Объединяют их в одно целое общая идейно-эстетич. концепция худож. проекта, преемственность развития сюжетных линий, воссоздание общей ист. эпохи, фигура или фигуры центр. персонажей (романы «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера» И. В. Гёте, «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова, «За правое дело» и «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана, и др.).

В мордов. лит-ре первые попытки создания крупных эпич. произв. с продолжением относятся к 1-й пол. 1930-х гг. Так, А. М. Лукьянов предполагал развернуть в Д. и даже в трилогию ист. роман в стихотв. форме «Кинель», первая книга к-рого вышла в 1933, но так и не увидела продолжения. Незавершённой осталась и вторая книга историко-бытового романа «Раужо палмань» («Чёрный столб», 1934, кн. 1) А. Д. Куторкина, первые главы к-рой были опубл. в неск. номерах ж. «Сятко» (1935). Ближе всех к созданию Д. в тот период находился Т. А. Раптанов — автор первого, по мнению Б. Е. Кирюшкина, сравнительно удачного мордов. ром. «Чихан пандо ало» («Под Чихан-горой», 1934, кн. 1;

см.: Кирюшкин Б. Е. Мордовский советский роман. Саранск, 1965, с. 43). В нём на фоне жизни конкретного мордов. села Самарского Заволжья в хронологич. рамках 2-й пол. 1920-х гг. показан процесс становления личности комсомольского вожака — самого автора, описавшего от первого лица небольшой, но очень важный, насыщ. событиями отрезок своей жизни. Судя по ряду опубл. в журнале фрагментов второй части романа, охватывающего годы коллективизации, а также по утверждению автора о том, что им подготовлена к изданию вторая книга «Чихан пандо ало» (см.: История мордовской советской литературы. Саранск, 1967, т. 1, с. 244), Раптанов реально мог стать создателем первой автобиографич. мордов. Д. Однако ранняя смерть писателя (1936) и утеря большей части его рукописей не позволили довести до печати вторую книгу романа.

Первая завершённая Д. на эрз. яз. принадлежит перу Лукьянова. Это социально-бытовой роман о жизни послевоенного мордов. села «Валдо ки» («Светлый путь», 1955, ч. 1; 1958, ч. 2), к-рый вошёл в историю мордов. лит-ры в качестве образца произведений, напис. в русле «теории бесконфликтности». Серьёзным недостатком произведения как романной Д. является и то, что, по верному утверждению Кирюшкина, «характеры главных героев и поставленные проблемы в основном были раскрыты в первой книге, и продолжать роман не было особой необходимости» (Кирюшкин Б. Е. Указ. соч., с. 109). Более органично использовал двухчастную форму эпич. повествования И. Д. Пиняев — автор первого в мордов. лит-ре худож.-док. романа о Вел. Отеч. войне «Шла дивизия вперёд» (1968, кн. 1; 1971, кн. 2). В нём через сквозные образы главных и эпизодич. героев, их подвиги и фронтовые будни воссоздана действит. история боевого пути 326-й Рославльской Красно-

знамённой стрелковой дивизии, сформиров. на терр. Мордовии. Своего рода худож. проект из двух романных Д. о Вел. Отеч. войне намеревался осуществить писатель-фронтовик П. В. Прохоров. Вышли первая часть его эпопейного романа, посвящ. нач. этапу войны, «Цидярдома» («Выстояли», 1975, кн. 1; 1978, кн. 2) и первая книга второй части Д. «Стака изнямот» («Трудные победы», 1985). В последней, связ. с ром. «Цидярдома» образами гл. героев, воссозданы события Сталинградской битвы и набирающее силу партизанское движение. В ином, более лирич. и в то же время остросюжетном, ключе написан А. И. Инчиним партизанский роман-Д. «Корпус генерала Наумова, или Схватка с Абвером» (1994), к-рый также можно наз. повестийной Д., состоящей из двух произв. («Шумят леса Хинельские» и «Прорыв за Днепр»), ранее изд. как повести. Для того чтобы рассказать «о времени и о себе», к форме романной Д. обращались И. П. Кишняков («Вешендъса эсь тяштезень» — «Ищу свою звезду», 1979; «Монь тяштезе — менельсь» — «Моя звезда — небо», 1982), А. С. Щеглов («Кавкъсть чачозь» — «Дважды рождённый», 1980, кн. 1; 1988, кн. 2) и нек-рые др. нац. писатели. Самая изв. мордов. Д. принадлежит перу М. Т. Петрова. Его ром. «Румянцев-Задунайский» (1976, кн. 1; 1979, кн. 2), созд. в классич. традициях отеч. ист. прозы, остаётся одним из востребов. произв. русскоязычной мордов. романистики.

К разновидности повестийной Д. обращались Н. Эркай, автор получивших всерос. известность дет. повестей «Алёшка» (1960) и «Алёшка интернатсо» («Алёшка в интернате», 1968), «Шураган» и «Новая родня» (1980); Инчин, написавший для юного читателя две книги партизанской пов. «Павлуха-партизан» (1981 — 84) и др. Изв. также образцы новеллистич. Д.: «Сярдо» («Лось»,

1966) и «Охотасо» («На охоте», 1968) Н. Эркая и нек-рых др. мордов. авторов.

Примерно с сер. 1990-х гг. романная и повестийная Д. находятся на периферии жанровых интересов писателей Мордовии. Данную тенденцию объясняет её общерос. характер. Отеч. лит-ра вошла в 21 в., отказавшись от многочисленных эпопейных повествований.

Лит.: *Кирюшкин Б. Е.* Мордовский советский роман. Саранск, 1965; *Макушкин В. М.* Обретение зрелости. Саранск, 1984; *Алёшкин А. В.* Реальности ускоренного развития и эстетический потенциал мордовской литературы // Аспект—1989 : Исследования по мордов. лит-ре. Саранск, 1989; Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы. Саранск, 1991. Ч. 1; *Брыжинский А. И.* Современная мордовская проза : (Движение жанра). Саранск, 1995.

С. Г. Девяткин.

ДИСКУРС (от фр. *discourse* — речь), многозначный термин, активно используемый в совр. лит-ведении, философии, культурологии, яз-знании, имеющий отношение «к замкнутой системе конкретных высказываний и к языку их описания» (Ю. Б. Боров); специфич. способ организации речевой деятельности в устной и письм. форме. Д. обладает признаками целостности и завершённости, проявляется в процессе создания, воспроизведения и восприятия текста, соотносится с понятиями вида, жанра и стиля. В сравнении с худож. текстом Д. — явление более широкое, включающее в себя читательское восприятие и жизнь произведения в разные эпохи, в т. ч. в переводах на др. яз. В Отеч. лит-ведение термин «Д.» пришел в 1990-е гг. в связи с активным изучением зап.-европ. и амер. науч. школ. Лит-ведами он широко используется в сочетании со словом «анализ» — Д.-анализ, трактуемый как интерпретация текста в конкретных ист.

обстоятельствах и культурах. Поскольку перевод произведения с одного яз. на др. является своего рода интерпретацией, адаптацией к условиям иной культуры, нередко к др. ист. эпохе, а мн. произв. мордов. лит-ры выступают как продукты перевода, термин «Д.-анализ» вправе войти в активный науч. лексикон нац. лит-ведов, особенно при оценке качества переводов.

Лит.: *Боров Ю. Б.* Эстетика. Теория литературы : энц. слов. терминов. М., 2003; ЛЭТП; Западное литературоведение XX века : энциклопедия. М., 2004; *Бушев А. Б.* Свобода (креативность) в интерпретации // Урал. филол. вест. 2012. № 2; *Каторова А. М.* Теоретико-литературное образование студентов-филологов национальных отделений вузов. Саранск, 2004.

А. М. Каторова.

ДИССОНАНС (фр. *dissonance*, от лат. *dissono* — нестройно звучу), вид рифмующего созвучия в поэзии, неточная рифма с совпадающими согласными и несовпадающим ударным гласным звуком (стена́я — стено́ю). В мордов. поэзии встречается редко, напр.:

Цвети сиренесь вельксэсть,
Сравтни ламбамо чине,
Цёрань кедтне жо эйсэть
Нолдыть, нолдыть састыне.
(Арапов А. В. Мейле.
Саранск, 2006, с. 140)

(Цветёт над тобою сирень,
Испускает сладкий запах,
Мужские руки же тебя
Отпускают, отпускают понемногу.)

Бозай Поля юты пакся пева...
Нищей Поля... Пазось, нать, кандызе.
Сюконязь эскели сон велева,
Моли — теке менелесь мендизе.
(Там же, с. 150).